

ТАЗЕТА ШЕБУЕВА

№ 12

СОДЕРЖАНИЕ:

НЕГАТИВЫ. — АДВОКАТСКИЙ ТУРНИРЬ. — КАКЪ АДМИНИСТРАЦІЯ И СУДЪ ЗАЩИЩАЮТЪ КАЗЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ. — НЕИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЛИСТЪ. — СТИХОТВОРЕНІЕ. — ВЕСЕЛЬЕ Н. ШЕБУЕВЪ—ТЕАТРЪ—ВЕСЕЛАЯ ВДОВА. Н. ШЕБУЕВЪ—ТЮРЬМОВЪДѢНІЕ. — ЦВѢТЫ ТЮРЬМЫ. — АНКЕТА. — ФЕЛЬЕТОНЫ. — ОМУТЬ Г. О. РОЗЕНЦВЕЙГЪ. — ВИКТОРЪ Н. ШЕБУЕВЪ.—КАРРИКАТУРЫ. АДВОКАТСКИЙ ТУРНИРЬ Н. В. РЕМИЗОВА.

АДВОКАТСКИЙ ТУРНИРЬ.

Адвокатъ долженъ быть энциклопедистомъ—такъ учили адвокатскую молодежь старики на конференціяхъ (собранія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, на которыхъ трактуются и практическіе вопросы права): сегодня—онъ врачъ, завтра—бухгалтеръ, далѣе—техникъ, морякъ и т. д. и перевоплощенія эти онъ долженъ продлывать съ искусствомъ, не уступающимъ актерскому.

Признаться, слушая это напутствіе, я уже тогда, въ годы молодости и довѣрія къ авторитетамъ, сильно сомнѣвался въ истинности этого завѣта. Нахватавшись верховъ, вычитавъ подходящія цитаты изъ энциклопедии, конечно, можно, но отъ такого верхоглядства до основательнаго изученія всевозможныхъ отраслей науки—конечно, огромная дистанція.

Это недоувѣріе съ теченіемъ времени все болѣе усиливалось. Богатыри мысли и слова понемногу сходили со сцены и адвокатура стала ремесломъ, ораторское же искусство въ чистомъ его видѣ—удѣломъ немногихъ избранныхъ. Говоря о паденіи ораторскаго искусства, не могу попутно не остановиться на ходячемъ предразсудкѣ, что прежняя адвокатура en bloc была умнѣе, талантивѣе, краснорѣчивѣе.

Наоборотъ, техника слова прогрессировала. Плавности рѣчи иного рядового помощника позавидовалъ бы какой-нибудь столяръ первыхъ временъ адвокатуры, но удѣльный вѣсъ этихъ словъ жалкій, жара же, одушевлявшаго первыхъ пионеровъ при защитѣ даже обыкновенныхъ дѣлъ, совершенно нѣтъ, да и быть не можетъ, такъ какъ нѣтъ ни дѣвственнаго настроенія, ни вѣры въ святость призванія, ни довѣрія къ суду, какъ учрежденію самостоятельному, стоящему высоко надъ временными вѣяніями и интересами минуты.

Да, идеалистовъ своей профессіи становится въ адвокатурѣ все меньше и лучше, наиболее чуткія ея силы всѣ уходятъ въ сторону политики, подчиняя слово извѣстнымъ политическимъ догматамъ и признавая за краснорѣчьемъ, ораторскимъ искусствомъ лишь служебное значеніе. Эта эволюція въ области слова успѣла уже наложить свой отпечатокъ на характеръ состязаній въ судахъ.

Вы найдете лишь весьма мало ораторовъ, придающихъ большое значеніе силосъ, обработкѣ рѣчей, да и тѣ, что есть, почти исключительно принадлежатъ къ поколѣнію среднему или старому.

Интересуясь всегда ораторскимъ искусствомъ, проживъ въ адвокатской средѣ лучшие годы своей жизни, я на дѣлѣ Небогатова имѣлъ полную возможность изучить, дѣйствительно-ли наши криминалисты—энциклопедисты, ибо, помимо краснорѣчія, по условіямъ своимъ, процессъ Небогатова требовалъ извѣстнаго проникновенія въ жизнь моряка, въ условія морской техники, въ обиходъ морскихъ чудовищъ, именуемыхъ броненосцами. Тутъ должна была сказаться

та способность къ перевоплощенію, которой требовали отъ молодежи ея суровые учителя. Но, помимо того, турниры краснорѣчія представляли еще специфическій интересъ, такъ какъ впервые на аренѣ, въ роли вполне самостоятельныхъ величинъ, встрѣтились представители раннихъ поколѣній адвокатуры. Репутація и авторитетъ общепризнанныхъ вступили въ состязаніе съ молодыми, еще не имѣющими своего ранга на адвокатскомъ Олимпѣ и сразу должны были уступить имъ дорогу.

Говоря о старыхъ богачахъ, я въ первую голову ставлю Н. П. Карабчевскаго. Еще недавно баловень сословія, любимецъ всей Россіи, защитникъ Скитскихъ, пережилъ всю сладость, упустилъ тончайшимъ ядомъ славы и популярности.

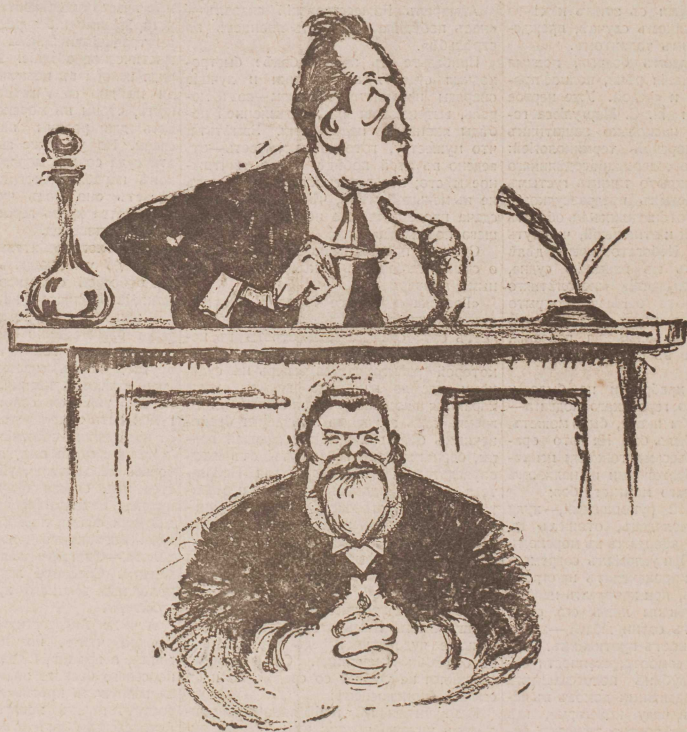
Казалось, ему суждено было сохранить эту славу до конца и занять то мѣсто, которое освободилось за старостью и выбытіемъ изъ строя московскаго золотуста—Ф. Н. Плевако.

Но произошло нѣчто загадочное. Политическій вихрь силы того, кто еще недавно считался дерзновеннымъ, смѣлымъ борцомъ за свободу, человѣческія права, ослабилъ и онъ изъ передовыхъ позицій перешелъ въ средніе ряды, а тамъ и совсѣмъ потерялъ въ глазахъ молодежи свой ореолъ. Горечь обиды, сознание несправедливости, а главное—совершенная неожиданность критики изъ устъ тѣхъ, кого еще недавно онъ считалъ своими покорными учениками и данниками, привели къ тому, что уязвленный левъ замкнулся въ гордое одиночество. Бездна становилась непроходимѣе, примиреніе—

все невозможнѣе. Уже на политическихъ процессахъ послѣдняго времени Н. П. Карабчевскій не игралъ никакой роли, ибо тотъ молодой кружокъ, въ рукахъ котораго сосредоточены почти всѣ политическіе защиты, не считалъ Н. П. въ какомъ бы то ни было отношеніи полезнымъ для общаго дѣла.

И вотъ, прежній левъ снова въ родной стихіи. Что-то онъ скажетъ и какъ скажетъ? Признаться, многіе не безъ тайнаго злорадства ждали, что старая гвардія утретъ носъ самоувѣренной молодежи. Увы! мы присутствовали при грустномъ зрѣлищѣ похоронъ великаго имени. Можно быть разнаго мнѣнія о силѣ дарованія Н. П. Карабчевскаго, и литературной, стилистической стороны его рѣчей, но одного не могли отрицать даже злѣйшіе его враги—это огромнаго

АДВОКАТСКИЙ ТУРНИРЬ. Г. С. АРОНСОНЪ.

— Никто никого не введетъ въ заблужденіе. Мы Васъ понимаемъ... Вы понимаете насъ.

ВЕСЕЛЬЕ.

Гдѣ веселье? Куда затерялось оно
 Въ этомъ мѣрѣ вѣшьяномъ и старомъ,
 Гдѣ обь искреннѣмъ смѣхѣмъ подуматъ смѣшно,
 Гдѣ не сладки добанья, вино не пьяно
 И любовь отъзываетъ угаромъ?..
 Гдѣ веселье? Какой чародѣй Черноморъ,
 Силой чаръ, силой воли преступной,
 Чтoby къ нему не проникъ челоуѣческой
 Воронъ,
 Заточилъ его въ замокъ волшебный межъ
 Горъ,
 Въ башнѣ мрачной, сырой, неприступной?
 Гдѣ веселье? Быть-можетъ, старикъ Водяной
 Пошалить, позабавилъ спяна,
 Разошелся во всю во стихий родной,
 Захлестнулъ его горькосолоной волной,—
 Потопилъ его въ глубь океана?
 Гдѣ веселье? Быть-можетъ на крыльяхъ орла
 Унеслось оно въ море лазури,
 Гдѣ шалунья заря, какъ цвѣтокъ расцвѣла,
 Гдѣ весельемъ стадамъ облаковъ нѣтъ числа,
 Гдѣ хохохотъ весения буръ?
 Гдѣ веселье? Въ стѣнахъ ли роскошныхъ па-
 латъ,
 Въ пышномъ блескѣ ли балнаго зала?
 Или въ убогой лачугѣ, гдѣ дѣти кричатъ,
 Гдѣ нужна, вся въ одеждѣ изъ дыръ и за-
 платъ,
 Свой непрошенный ликъ показалъ?
 Гдѣ веселье брильянтъ лучезарный горитъ?—
 Въ темномъ небѣ ли звѣздочкой свѣ-
 титъ,
 Или кагится счастья слезой вдоль ланитъ,
 Или въ глазахъ кокетки къ вострограмъ ма-
 нитъ,—

Горе тѣмъ, кто на ласки отвѣтитъ!
 Нѣтъ, брильянтъ не горитъ тотъ на небѣ
 звѣздой,
 Не сверкаетъ въ очахъ чаровницы,
 Не плывають русалокъ толпу подь водой,—
 Онь сокровя у поэта въ душѣ молодой,
 Тамъ блеститъ какъ заря, какъ зарница...
 О, счастливецъ, счастливецъ, поэтъ-юмористъ!
 Блескъ брильянта въ душѣ не таи ты,—
 Ясный взглядъ твой, какъ вѣшнее солнце ду-
 чистъ,
 Непрivotный твой смѣхъ бесподобенъ не
 чистъ,—
 Думь-мысли подь шутками скрываютъ...
 Посмотри, сколько честныхъ протянуто руки!
 Озари ихъ брильянтомъ веселье,
 Дай забыться на мигъ отъ обыденныхъ мукъ:
 Слово «счастье» для нихъ непонятный лишь
 звукъ,—
 Во чужомъ ли пиру да похмѣйся...
 Пусть твой юморъ разглядитъ морщина чела,
 Пусть на шутку откликнется эхомъ,
 Пусть сомгнѣнный расцвѣтается черная мгла,
 Что вокругъ неприсвѣтливою ночью легла,—
 Пусть на смѣхъ твой отвѣтитъ смѣ-
 хомъ!..

Этотъ смѣхъ разольется широкой волной
 По подаваламъ, чуданамъ, лагунамъ,
 Гдѣ ютятся рабочій усталый, больной...
 Дай имъ счастье минуты, минуты одной,—
 И навѣкъ назовутъ тебя другомъ!..
 Этотъ смѣхъ разольется по заламъ палатъ,
 По богатымъ баламъ разольется,
 Гдѣ царитъ ленивщій и скучный развратъ,
 И надъ ухомъ кокетки развнченней фатъ
 Теплымъ смѣхомъ на мигъ засмѣется...
 Этотъ смѣхъ разольется по нивамъ, лѣсамъ,—
 Все воспрянетъ навстрѣчу веселью,
 И солется въ ликующій, радостный тамъ...
 Этотъ смѣхъ полетитъ къ голубямъ небесамъ.

Соловиной серебряной трелью...
 О, счастливецъ, счастливецъ, поэтъ-юмористъ,
 Блескъ брильянта въ душѣ не таи ты!—
 Ясный взоръ твой, какъ вѣшнее солнце ду-
 чистъ,
 Непрivotный твой смѣхъ бесподобенъ не,
 чистъ,—
 Думь-мысли подь шутками скрываютъ...

Н. ШЕВУЕВЪ.

ВЕСЕЛАЯ ВДОВА.

Я вошелъ въ уборную А. С. Полонскаго, одного изъ талантливейшихъ радцаей современнаго смѣха.
 Генераль отъ фарса.
 Его участие на афишѣ—спасаетъ спектакль.
 Его появленіе на сценѣ—разглаживають морщины самыхъ мрачныхъ меланхоликовъ.
 Его походка съ подковыркой.
 Его заикающиеся жесты.
 Его экстравагантный гриммъ.
 Его интонаціи самонадѣяннаго простофили.

АДВОКАТСКІЙ ТУРНИРЪ. М. Г. КАЗАРИНОВЪ.

— И если нельзя водружать креста надъ тѣмъ, что не соответствуетъ понятію храма, то и Андреевскій флагъ нельзя развѣвать на тѣмъ, что не заслуживаетъ названія боевой мощи націи...

Все это уже вошло въ исторію фарса и уже утилизируется по частямъ другими фарсовыми артистами.
 Сидишь гдѣ нибудь въ закудаломъ гордишкѣ въ провинціи въ скверномъ лѣтнемъ театрикѣ, смотришь на безнаджно грустную опереточную примадонну, коптящую вмѣсто того, чтобы пѣть, смотришь на фатовъ похожихъ на котовъ на любовниковъ, похожихъ на пѣтуховъ. Зѣвать и злиться.
 И вдругъ вспыхнетъ какой то знакомый жестъ. Или даже цѣлый трюкъ.
 Трюкъ Саши Полонскаго.
 И все станеть весело и вы вспомните Москву, Петербургъ.
 Такъ вотъ къ этому Сашѣ Полонскому и вошелъ я въ уборную, передъ тѣмъ какъ посмотрѣть въ первый разъ «Веселую Вдову».

Стыдно сознаться (—видите какъ я покраснѣлъ), но до сихъ поръ я ни разу не былъ на «Веселой Вдовѣ».
 Весь Петербургъ уже перебрывалъ. Многие по дюжинѣмъ разъ.
 Сегодня восьмидесятое (80!) представленіе «Веселой Вдовы», а я все не собрался.
 Такой пробѣлъ въ моемъ воспитаніи.
 Браните меня, пожимайте плечами, презирайте меня, но я все таки считаю лучшимъ сознаться въ своей отсталости и повести дѣло на чистоту.

Я отлично могъ бы сдѣлать видъ, что для меня «Веселая Вдова» не новость, что я на «Веселой Вдовѣ» не въ первый, а въ тридцатъ первый разъ, что качели мнѣ даже надобны, а мотивы которые распѣваетъ Бауэръ и Кубанскій до того навыворотъ въ зубахъ, что я ихъ не могу выковырять даже зубочисткой.
 Словомъ я могъ бы симулировать притворяться.
 Но я пошелъ въ открытую и рѣшилъ съ первыхъ словъ признаться Полонскому въ своемъ невѣжествѣ.
 Въдь, успѣвъ «Веселой Вдовы» такое же крупное общественное явленіе какъ не успѣвъ «Скучной Вдовы» въ театрѣ Комиссаржевской!
 Въдь, если вдуматься это поразительно крупное явленіе!
 И качели, и магчишь, и торчащіе уши ревиивца,—со всѣмъ этимъ Питеръ сроднился куда больше чѣмъ съ конституціей.

Если бы у меня было время я непременно провелъ бы параллель между конституціей и качелями.
 Качели... качели конституціи...
 Но не будемъ говорить о такихъ страшныхъ вещахъ, какъ конституціонныя качели.
 Шекспиръ говаривалъ:
 — Лучше быть хорошо повѣшеннымъ, чѣмъ дурно женатымъ.
 Это единственное утѣшеніе для тѣхъ лицъ, которыя качаются повѣшенными на конституціонныхъ качеляхъ.
 Итакъ я вошелъ въ уборную Шурочки Полонскаго.
 Онь встрѣтилъ меня печальной фразой;
 — Слыхали, Михаилъ Валентиновичъ приказалъ долго жить.
 — Лентовскій!
 Не скажу чтобы меня потрясла эта печальная новость.
 Къ ней я былъ готовъ давно, потому-что сахарная болѣзнь давно уже разрушила могучее, богатырское тѣло болярина Михаила.
 Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ Москвѣ, уже совершенно не похожимъ на болярина Михаила, прежняго цвѣтушаго, въ своей вѣчной поддевкѣ, съ себрестыми прядями густыхъ волосъ.
 Кто не зналъ Лентовскаго въ Москвѣ. Кто не зналъ его въ Россіи.
 Кто изъ артистовъ не служилъ у него, у этого бога оперетки.
 И вотъ этотъ богъ умеръ.
 Умерла оперетка.
 И «Веселая Вдова», всѣ три дѣйствія, которыя я прослушалъ вчера, прозвучали для меня панихидою.
 Панихида по опереткѣ.
 По той опереткѣ, которую открылъ, вспоилъ, вскормилъ, взлелѣялъ Михаилъ Валентиновичъ Лентовскій.

Ахъ, какъ возмутился бы онъ «Веселую Вдову».
 Послѣдняя оперетка, которой остался доволенъ онъ, была «Гейша».
 И послѣдній актеръ, который удовлетворялъ Лентовскаго, былъ Полонскій.
 Мнѣ частенько приходилось бесѣдовать съ М. В.

Было время, когда онъ сотрудничалъ въ одномъ московскомъ журналѣ, гдѣ я секретарствовалъ.
 Было время, когда онъ хотѣлъ, чтобы я съ его словъ писалъ его воспоминанія.

Было время, когда онъ мечталъ о возрожденіи комической оперы.
 Онь и Савва Ивановичъ Мамонтовъ. Два бога хотѣли соединиться: богъ оперетки и богъ русской оперы.
 Мамонтовъ для русской оперы сдѣлалъ то, что Митовскій для оперетки. Онь открылъ, вскормилъ, вспоилъ, взлелѣялъ русскую оперу.

Ахъ, какъ хорошъ Полонскій.
 Но роль посланника Понтеведро такъ ему не въ пору.
 Она ему мала.
 Жметъ подь мышками. Вотъ здѣсь давить. А здѣсь набѣгаетъ.
 А тутъ все какія то глупыя складки и въ нихъ въ этихъ складкахъ затаилъ талантъ.

Все поддержанное и помоятое.
 Каждая острога, каждое qui pro quo, каждое слово—повтореніе пройденнаго.
 Да. Это панихида по опереткѣ.
 Это не «Веселая Вдова», а «Веселая Панихида».

Хорошъ г. Кубанскій.
 Онь ведетъ каждую роль, въ которой мнѣ довелось его видѣть въ здоровыхъ, жизнерадостныхъ, бодрыхъ тонахъ.
 У него недурная вокальная средства (—я говорю съ опереточной точки зрѣнія), видна молодость и вѣрится въ зрѣлость.

Я думаю, что онъ выдвинется.
 И досадно было видѣть, слышать, знать, что ему въ восемьдесятый разъ приходится повторять все одну и ту же послатину роли графа Данило.

Будто каторжники прикованные къ тачкѣ пошлости.
 Свѣженькій, газированный талантъ г-жи Шуваловой, взрощенная на минеральной почвѣ, но уже дегазированной г-жа Бауэръ, Мираевъ, Вавичъ, Муравьева, Мартыненко, Чайковская, Наровъ, Брянскій, Терскій, Коржевскій, Поповъ, Аксельродъ, Малютина, Антонова, Пижа, Селиверстова.

Всѣ они пѣли вѣчную память опереткѣ. Безъ суфлера.
 И всѣ они завидовали суфлеру.
 Что сказать о режиссера.

Онь такъ хорошо поставилъ пѣсню, устроилъ опереткѣ такія помпезная и шикарные похороны, что именно изъ за постановки то и сбѣгается Петербургъ смотрѣть на «Веселую Вдову».
 Ни что такъ не притягиваетъ вниманіе зѣвакъ, какъ похороны устроенныя моднымъ бюро похоронныхъ процессій по первому разряду.

Герой дня—П. В. Тумпаковъ.
 Если бы я былъ антрепренеромъ опереточнаго театра и мнѣ принесли бы авторъ «Веселую Вдову», я отвѣтилъ-бы ему:

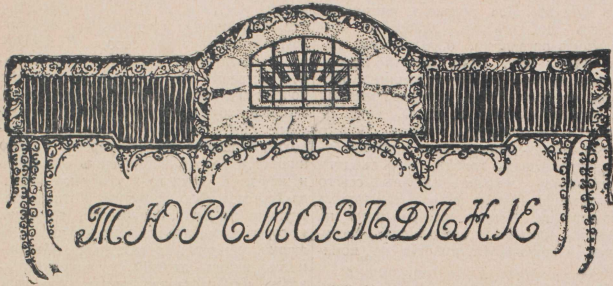
— На какую публику вы рассчитываете, милостивый государь. Если бы въ ней былъ пришли-бы единицы, если бы было остроуміе пришли бы, если бы въ вашей пѣснѣ было салоумъ пришли бы тысячи, если бы—въ ней была политическая сатира пришли бы десятки тысячъ!.. А въ вашей пѣснѣ нѣтъ ничего, ничего, ничего!.. Публикѣ нашей нужны не качели, а конституція...
 Вотъ что приблизительно отвѣтилъ бы я автору.

И вотъ въ какой просакъ сѣлъ бы я. И какъ смѣялся бы надо мной П. В. Тумпаковъ.
 Онь то проникновенно понялъ, что санктпетербургской публикѣ нужны именнотакчели.
 Не конституція, а качели.
 И вотъ... восьмидесятое представленіе!..

Мало того, надняхъ та же самая «Веселая Вдова» переходитъ въ... Мариинскій театръ.
 Клянусь вамъ, что не шушу.
 Качели на сценѣ Императорскаго Театра...
 Въ 84-ый разъ!..

Бѣдный Глинка! Въ какой-нибудь годъ числомъ представлений, какой то пошлый Францъ Лепаръ опередилъ тебя.
 Счастливыи Лентовскій.
 Онь умеръ какъ разъ во время, чтобы не видѣть юбилея Веселой Панихиды по опереткѣ.

Н. ШЕВУЕВЪ.

ЦВѢТЫ ТЮРЬМЫ.

XXXVIII.

Если-бъ милая узнала,
Кто прислалъ букетъ въ тюрьму,
На цвѣточки бы напала,
Лепесточки обцѣпала,
Подняла бы кутерьму...
Все смѣшалось бы: гвоздика,
Роза желтая, левкой...
Я бы ей крикнулъ: «Подожди-ка!»
Но она не слышитъ крика,
Рветъ безжалостно рукой...
Виновать, не то немножко
Крикнуть я-бъ: «Голубка, рви!
Мнѣ лоба цвѣтовъ окрошка,—
Ревность—мать и дочь любви!».

XXXIX.

На скамью для подсудимыхъ
Я возсѣлъ, весьма доволенъ,
Потому что мнѣ конвертикъ
Передать успѣлъ Глаголинъ.
Тамъ въ тюрьмѣ всю переписку
Отсылаютъ прокурору.
Не желая подчиниться
Прокурорскому надзору,
Ты отправила записку
Мнѣ съ любимымъ адвокатомъ.
Я отъ радости, конечно,
Былъ на небѣ на девятомъ,
Шпиговался сторонами
Рялъ свидѣтелей умѣло.
Я-жъ блаженно улыбался—
Не мое какъ будто дѣло.
Толковалъ и съ типографомъ,
И съ издателемъ Глаголинъ.
Я-жъ все шире улыбался:
Былъ прочитаннымъ доволенъ.
А когда мой обвинитель
Сталъ громить, вызывая къ карѣ,
Я строчилъ тебѣ отвѣтъ свой,
И, какъ видно, былъ въ ударѣ:
Такъ слова и замелькали,
Разсыпаяся карточью...
Если-бъ видѣлъ самъ Глаголинъ,
Былъ моей доволенъ рѣчью.
Говорилъ насколько можно
Онъ еще о чемъ-то снова.
Вдругъ, я слышу, председатель,
— «Подсудимый ваше слово!»
Я вскочилъ. Махнулъ рукою.
Что-то прошепталъ невнятно,
И, блаженно улынувшись,
Сталъ письмо кончать, понятно.
Ну, и что же! въ крѣпость на годы...
До сената, видно,—баста!
Не помогу и мой Глаголинъ,
Хоть выпутываетъ часто.
Впрочемъ, въ дѣлѣ обвиненя,
Я увѣренъ, безъ ошибки
Роль не малую играли
И мои, дитя, улыбки...

XXX.

Истерзалъ въ клочки вчера я
Фотографію твою.
Бросилъ въ печь. Ее сжигая,
Думалъ я, любовь убью.
Не погасла, но окрѣпла
Страсть отъ этого моя.
Нынче жадно въ грудь пепла
Цѣлый день копаюсь я.
Всѣ кусочки обгорѣли,
Застилаетъ взоръ слез...
Боже, Боже, неужели
Не найду твои глаза!
Не погасла, а окрѣпла
Страсть моя къ тебѣ, и что-жъ?
Въ моемъ сердцѣ ты изъ пепла
Саламандрою встаешь.

XXXI.

Нынче такъ ласково солнце,
Въ воздухѣ, въ небѣ—весна.
Какъ это узко оконце!
Какъ эта клѣтка тѣсна!
Нынче такъ хочется воли,
Сердце и нервы болятъ!
Такъ бы и крикнуть отъ боли,
Жаждою жизни объять...
Вспомнились весны друга,
Вспомнилась, милая, ты...

Пѣсни твои дорогія...
Молодость... грезы... цвѣты...
Тамъ это, тамъ все осталось,
Тамъ... за рѣшеткою... тамъ...
Сердце мучительно скалосъ:
Мѣсто-ль здѣсь пѣснямъ, цвѣтамъ...
Тамъ мы надѣемся, вѣримъ,
Сказками тѣшимся мы...
Здѣсь же озлобленнымъ звѣремъ
Стонешь въ звѣринцѣхъ тюрьмы...

XXXII.

Да, она не безупречна,
И капризна, и лукава,
Какъ о томъ твердятъ мнѣ вѣчно
И налѣво и направо.
Да, она бываетъ лжива,
Мной вертѣла, какъ хотѣла.
Да, она мила, красива
Красотою только тѣла.
Да, она не добродѣтель:
Но и я ей вѣдь стою...
Грѣшникъ я и, богъ свидѣтель,
Не гоняюсь за святою:
Хоть имѣть всегда къ услугамъ
Сонмы ангеловъ забавно,
Скучно быть святой супругомъ,
А любовникомъ—подавно...

XXXIII.

Не за мои стихи обычная расплата.
Я взялъ его при всѣхъ, не крадучись,
тайкомъ:
Послѣдній поцѣлуй былъ предъ лицомъ
сената.
Предъ заломъ суда, набитою биткомъ,
Ты сѣла въ первый рядъ къ скамьѣ для
подсудимыхъ,
Перилами ея всего отдѣлена.
Я счастливъ! Глазъ не могъ отнять отъ
глазъ любимыхъ:
Рѣшетка между насъ, а не тюрьмы
стѣна!
Но вотъ «они» идуть,—желты, ветхи и
тощи—
Перенесеніе мощей ни дать, ни
взять.
Я—заживо зарыть, они—живия мощи,
Ну чѣмъ не судъ! Къ столу при-
клеклись всѣ пять.
Вотъ всталъ одинъ изъ нихъ. Въ сво-
ужасной сказкѣ
Я будто бы вещей такихъ пона-
сказалъ,
Что дѣло обо мнѣ не требуетъ огласки:
Пусть публика сейчасъ покинетъ
этотъ залъ.
Ты встала, поблѣднѣвъ. Склонилась на
перила.
И тутъ съ тобой слились мы въ
поцѣлуй нѣмой:
Не надо словъ и слезъ... Послѣдній взоръ
вперила.

И... сонъ оборвался. И я одинъ съ
тюрьмой.
Тюрьма, тюрьма вокругъ. Кассаторы ка-
страты,
Спокойны будьте, залъ кастриро-
ванъ, какъ вы.
Въ немъ вырѣзана жизнь, въ немъ жизни
соки взяты.
И нѣтъ людей вокругъ, народной
нѣтъ молвы.
Онъ говорилъ какъ богъ, защитникъ
мой Глаголинъ,
Онъ излагалъ мощамъ вопросъ по
существу.
Онъ былъ логиченъ, смѣлъ, красивъ,
умень и воленъ,
Но убѣдить сенатъ нельзя и боже-
ству:
Сенату суть нужна, а существа не
нужно.
Не нуженъ здравый умъ и аргу-
ментовъ блескъ,—
Вотъ тутъ и разберись! И продремали
дружно
Сенаторы мои подъ мѣрный рѣчи
плескъ.

Одинъ никакъ заснулъ, по старчески
захлипавъ
Во снѣ, но сладкій сонъ совсѣмъ
прошелъ, едва
Рѣчь началъ прокуроръ—краса щедрин-
скихъ типовъ.
Онъ по статьямъ порхалъ, не тро-
нуть существа.
Всталъ говорить и я, но «существа»
коснулся,
И въ этомъ уличенъ, оборванъ, съ
толку сойти,—
Чѣмъ преня кончились. Судъ правый
встрепенулся
И завтракать пошелъ живыхъ мо-
щей синклитъ.
Позавтракавъ, пришли божки индѣйскихъ
лагодъ,
Усѣлись по мѣстамъ, въ сукно
уткнули взоръ:
— «Впустите публику! Пусть знаютъ
всѣ, что на годъ,
Секретенъ только судъ, но гласенъ
приговоръ!»

Мнѣ вся комедія рисуется, какъ поводъ
Тебя поцѣловать въ сенатскомъ
рандеву.
А самый поцѣлуй—кассационный доводъ?..
Нѣтъ, больше всѣхъ рѣчей онъ
былъ по существу.

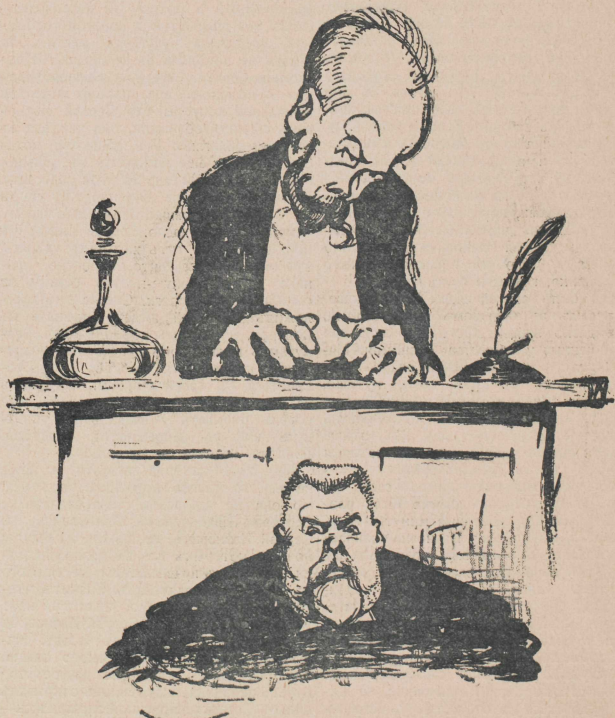
XXXIV.

— «Твои бессмысленны рѣшенія,
Мнѣ всѣ твердятъ со всѣхъ сторонъ
И нѣчто вродѣ утѣшенія
Сказалъ одинъ лишь Кальдеронъ:
— «Не призывай благоразумія
И не особенно злословь:
Когда любовь не есть безуміе,
Тогда любовь не есть любовь».
XXXV.
Ты рыцарь подвязки! Я рыцарь подвязки!
Какъ эхо сѣдой исторической сказки,
Какъ эхо сѣдой исторической сказки,
Какъ эхо сѣдой исторической были

Звучитъ это званье... Какъ грустны ны
были,
Когда на три дня въ первый разъ раз-
ставались...
Въ молчаньѣ, безъ словъ и безъ слезъ
цѣловались...
Въ молчаньѣ блуждали по заламъ вок-
зала.
Лишь послѣ второго звонка ты ска-
зала:
— «Вотъ это на счастье». И сунула въ
руку,
Сначала не понимая, какую-то штуку...
Смотрю,—вижу лента знакомая, пряжка...
Такъ вотъ что «на счастье» дала мнѣ
блѣдняжка,
Прощаясь со мной на три дня, чуть не
плача!..
Теперь ужъ, конечно мнѣ, будетъ удача...
Шель поѣздъ. Колеса стучали, твер-
дили,
Какъ эхо сѣдой исторической были,
Какъ эхо сѣдой исторической сказки:
«Ты рыцарь подвязки! Ты рыцарь под-
вязки!»

АДВОКАТСКІЙ ТУРНИРЪ Л. А. БАЗУНОВЪ.

— Убѣжденно говорю Вамъ, что Небогатовъ совершилъ подвигъ челоѣколюбія; онъ спасъ 2000 жизней. Вспомните Леонида царя Спартанскаго, который съ 300 спартанцевъ удержалъ натискъ персидскихъ полчищъ, но предварительно отославъ 7000 воиновъ, чтобы не губить ихъ безцѣльно.

спросъ всегда готовы и докторницы, и дома для умалишенных предлагающих—нѣтъ ничего. въпрямь, есть: опять дома терпѣти и опять деньги развратниковъ. Идѣть ихъ, этихъ предлагающихъ, изъ деревень въ села, изъ селъ въ да, изъ городовъ въ столицы, гдѣ ищутъ себѣ кусокъ хлѣба; онѣ ищутъ, пробую поступить на фабрики, мастерскія, поступить прислугами,—ишь бы имѣть заработокъ, но болшинство изъ нихъ, находятъ только аски, ласки развратниковъ.

И тѣ изъ нихъ, которыя, отчаявшись, наконецъ, въ получении честнаго труда, отвѣчаютъ на ласки, иногда получаютъ не только кусокъ хлѣба, но и хорошии ужинъ, платья, всякую мишуру, а подчасъ и ежемѣсячный окладъ. Тогда онѣ уже не захотятъ больше и сами возвратиться въ деревню... И полчища протитутокъ растутъ, растутъ, предложение, къ концу-концовъ, превышаетъ спросъ, какъ число голодающихъ много превышаетъ число пресыщенныхъ, какъ легче и быстрее стать проституткой, чѣмъ развратникомъ. Голодать, наконецъ, начали давно уже и проститутки; онѣ прилагаютъ всѣ силы, чтобы удержаться, чтобы голодъ имъ вновь не напомнилъ ихъ дѣвичьи годы, когда онѣ еще голодали... Посмотрите, вы уже не можете по вечерамъ спокойно пройти по главнымъ улицамъ съ вашей матерью, сестрой, женой, такъ проститутки не стѣняются, чтобы отпустить что-либо по адресу того, съ кѣмъ вы идете подъ руку; проститутка не остановится передъ тѣмъ, чтобы не подойти къ вамъ и, ударивъ по лицу вашему муфтой или дернувъ за рукавъ, сказать вамъ: «охота тебѣ идти съ нею, пойдѣмъ со мной!» И вы думаете, что это неизбѣжное зло? Если вы такъ дѣйствительно думаете, то вы тогда не меньше способствуете увеличению разврата, чѣмъ тотъ соврасъ который только-что, идя съ вами, и можете-быть, мысленно раздѣляя вашу знакомую,—взвалъ проститутку и отправилъ къ ней на квартиру. Вы думаете, что это неизбѣжное зло?—Нѣтъ, это не «неизбѣжное зло», а это крикъ голодныхъ къ сытому: «ты сѣть, а я еще не ѣла! Я тоже имѣю право быть сѣтой!» И скоро, скоро этотъ отдѣльный крикъ превратится во всеобщий вопль. И проститутка скоро заявитъ свои права на жизнь. И нельзя уже будетъ этихъ криковъ избѣгнуть какимъ-либо окольнымъ путемъ... путемъ мелкой благотворительности и образованіемъ кружковъ филантропическаго характера...

Совсѣмъ не нужно далеко уходить, чтобы въ жалкомъ и вкрадивомъ предложеніи «пойдемъ ко мнѣ» услышать грозный крикъ: «мы идѣмъ брать насъ!».

Мнѣ ясно, что предложеніе, проститутки, въ какомъ видѣ она бы ни выражалась и которое губить все въ своемъ шестивѣчьи,—есть слѣдствіе недостатка, нищеты, голода низшаго населенія.

Не будь голода, не было бы проститутки; не было бы проститутки, и развратъ не дошелъ бы до такихъ размѣровъ, каковой мы видимъ теперь, и который губить громадную долю человечества.

Итакъ, кто хочетъ бороться съ проклятіемъ пологово вопроса, тотъ долженъ вступить въ ряды борцовъ противъ бѣдственнаго положенія низшихъ классовъ.

Если кто раньше еще не сознавалъ, гдѣ корень зла бѣдственнаго положенія населенія, то освободительное движеніе послѣдняго времени открыло глаза всѣмъ. Кто хочетъ бороться съ проституткой, тотъ не долженъ спокойно смотрѣть на происходяща на нашихъ глазахъ аферы тѣхъ господъ «наперстниковъ разврата», которые заставляютъ голодать наши деревни. Они, эти господа, «жалкую толпою стояща у трона»,— первые виновны въ той нищетѣ народа, которая создаетъ предложеніе, проститутку, и на нихъ первыхъ долженъ быть направленъ первый ударъ.

И эти же самые господа, чтобы лучше правды и свободы не освѣтилъ ихъ темныхъ дѣлъ,—всѣ силы прилагаютъ, чтобы задушить печать, разогнать собранія и т. д.

А безъ печати и свободы собраній невозможно ни всесторонне освѣтить пологово вопросъ, ни бороться съ безнравственностью.

По этому-то каждый, кто желаетъ бороться съ развратомъ, неминуемо долженъ вступить и въ ряды борцовъ за свободу печати, собраній,—если даже его и не интересуетъ «политика».

Въ противномъ случаѣ, пусть лучше махнетъ рукой и на пологово вопросъ, такъ все равно ничего не достигнешъ безъ свободы.

Письмо это получило слишкомъ длинно, но для рамокъ вашей газеты, а не для пологово вопроса, для котораго слишкомъ длинныхъ писемъ быть не можетъ. Наоборотъ, я хотѣлъ бы еще очень много говорить, но на этотъ разъ только этимъ и ограничусь. Было бы очень хорошо, еслибы позже была бы издана

— Любвеобильная родина прижметъ къ груди несчастнѣйшаго сына.

вами отдѣльная книга, собранная изъ всѣхъ писемъ, которыя стоила бы болѣе или менѣе большаго вниманія...

Что касается тѣхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, юношей и дѣвицъ, которые предаются разрушительному злу,—тайному пороку, то они, по моему мнѣнію стоятъ совершенно обособленно. Развратъ пологово рода слѣдуетъ выдѣлить изъ разврата общаго.

Безотлагательно слѣдуетъ начать борьбу съ мастурбацией. Для этого нужно сейчасъ же потребовать, чтобы:

- 1) Цѣль: борьба съ безнравственностью;
- 2) Въ союзъ принимаются всѣ лица, читались популярныя лекціи матерямъ и отцамъ о губительномъ слѣдствіи тайнаго порока;
- 3) въ старшихъ классахъ школъ, читать уроки о гигиенѣ пологово инстинкта и требовать знаній по этому предмету при выпускныхъ экзаменахъ какъ отъ юношей, такъ и дѣвицъ;
- 4) въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ minimum ежемѣсячно докторъ долженъ производить смотръ ученикамъ и слѣдить за тѣмъ, не предаются-ли ученикъ тайному пороку; въ та-

ЭПИЛОГЪ.

Прошло почти три года со времени эфемернаго, но зато вполне сказочнаго дебюта Сергѣя Ивановича Покровскаго на попрѣхъ клубнаго игрока. Событія шли такимъ лихорадочнымъ темпомъ, что Сергѣю Ивановичу не оставалось времени, чтобы осмыслить весь ужасъ своего положенія, и только тогда, когда онъ остался даже безъ разбитаго корыта, т. е. безъ мѣста, онъ на досугѣ могъ оплакивать свои ошибки и увлеченія.

Вдали отъ клубной обстановки, онъ искренно удивлялся своему отношенію къ деньгамъ въ то бѣдное время и готовъ видѣть во всемъ приключеніи нѣчто вродѣ наводненія. О, еслибы можно было вернуть прежніе дни, дни приличной бѣдности, 20 числа, вѣчныхъ нехватокъ, забирая, впередъ жалованья и какъ счастливъ былъ бы онъ такимъ состояніемъ. Такъ думаетъ и говоритъ Сергѣю Ивановичу, но, зная психологію игрока, отравленнаго микробомъ азарта, «можно сомнѣваться въ исполнимости этихъ порывовъ».

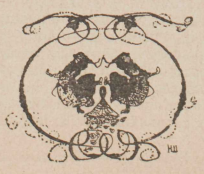
До сихъ поръ дѣло его еще въ стадіи предварительнаго слѣдствія. Одновременно возникъ и интересней гражданскій споръ между правленіемъ желѣзной дороги и однимъ изъ банковъ, гдѣ былъ открытъ Сергѣю Ивановичу окольный счетъ подъ облигации. Во всякомъ случаѣ, гг. акціонеры великодушно простили своему правленію его нѣсколько легкомысленное отношеніе къ акціонерному имуществу и обзавались не искать съ нихъ этой суммы.

Почти вслѣдъ за Сергѣемъ Ивановичемъ со сцены и многіе крупныя игроки, о которыхъ мы упоминали въ первомъ очеркѣ. Одинъ скоропостижно умеръ ридяъ очемъ изъ куба, локо казалося,,

чтпри клубный пассивъ доходилъ до 700 тысячъ рублей; бравый полковникъ почти выбылъ изъ строя и не можетъ уже поддерживать своей репутаціи крупнаго игрока на должной высотѣ. Землеуладѣлецъ С. покинулъ негостеприимную Сѣверную Пальмиру и пробуетъ удачи въ другихъ мѣстахъ. Но печальнѣе всего судьба жизнерадостнаго молодого мѣховщика З.: онъ проигрался и задолжалъ кассѣ клуба приличную сумму. Капище иногда, для поддержанія игры, кредитуетъ игроковъ подъ простую расписку или даже на слово, — почему долженъ былъ покинуть клубъ. Нечего говорить, что и торговое его дѣло также пришло въ совершенный упадокъ.

Благородствуютъ одни профессионалы и арапы. Они всегда находятъ свою нищу. Въ капищѣ долгое время царствовала тишь да гладь, пока, наконецъ, не обнаружена была нечестная игра со стороны одного изъ крупныхъ игроковъ, покочившаго вслѣдъ затѣмъ свою жизнь самоубійствомъ. Истори этой жертвы «Омута» будетъ посвященъ слѣдующій очеркъ.

г. РОЗЕНЦВЕЙГЪ.

ВИКТОРЪ.

Викторъ и Николай Николаевичъ сидѣли въ маленькомъ рабочемъ кабинетѣ Ивана Флегонтовича.

— Давно мнѣ хотѣлось спросить васъ, господинъ учитель, что за притча у меня на заводѣ вышла. Не хвастаясь скажу я, что порядки у меня на заводѣ самые выгодныя, живетъ рабочимъ у меня на заводѣ изъ всей губерніи лучше всего... Рабочій у меня крѣпкій, сытый, не усталый... Взять, скажемъ, заводъ Ефремова, или Крона, или Сидорова, вѣдь тамъ рабочемудохнуть некогда... И между тѣмъ у нихъ у всѣхъ на заводахъ тишь да гладь, а у меня... разговоръ пошелъ... Это самое то есть рабочее движеніе... Почему это, скажите вы на милость, у меня у перваго началось?... Притѣвленія этого самаго экономическаго у меня меньше всего, а разговору да недовольства—болше всего!... Значитъ я дурака сваялялъ, что рабочимъ отдохнуть далъ... И попалъ я между двухъ водоворотовъ... Съ одной стороны всѣ заводчики окрестные на меня взвѣсили, что я рабочимъ льготами порчу, а съ другой сами рабочіе мятутся... Чего имъ еще надо. Того и гляди забастуютъ.

Николай Николаевичъ разъяснилъ старику, что ничего ненормальнаго въ этомъ явленіи нѣтъ. И въ Москвѣ тоже рабочее движеніе началось съ фабрики Морозова, между тѣмъ какъ именно на этой фабрикѣ рабочимъ жилось всего легче. Объясняется это тѣмъ, что если у рабочаго есть досугъ, онъ тратитъ его на самообразование, на чтеніе. Изъ книгъ рабочій узнаетъ, что въ жизни дороги не одни экономическіе интересы. Онъ начинаетъ сознательнѣе относиться къ рабочему вопросу вообще и на ряду съ

экономическими требованіями выдвигаетъ политическія.

Панкратовъ вкратцѣ нарисовалъ Пріятелю картину историческаго хода развитія рабочаго вопроса.

— Ваши рабочіе недовольны не вами лично и хлопотать не о себѣ лично... Они хлопотать о благѣ русскаго пролетаріата вообще...

Иванъ Флегонтовичъ слушалъ Николая Николаевича съ жаднымъ интересомъ, какъ большой ребенокъ. Казалось неестественнымъ, несоразмернымъ, карикатурнымъ то невѣдѣніе самыхъ простыхъ экономическихъ вопросовъ, какое обнаруживалъ на каждомъ шагѣ этого старика, на заводѣ котораго занято около трехъ тысячъ рабочихъ.

Ужъ въ залѣ пересталъ звучать басъ Бубнова.

Ужъ перестали долетать звуки вальсовъ очтаннаго тапера.

А они все говорили да говорили.

Иванъ Флегонтовичъ въ концѣ концовъ такъ расстроился, что пожелалъ попертовать.

— Вы знаете Николай Николаевичъ, что въ гимназіи моимъ иждивеніемъ сооруженъ физическій кабинетъ для опытовъ разныхъ...

Хотѣлось бы мнѣ въ память о васъ соорудить тамъ и историческій кабинетъ для опытовъ... Сколько на это требуется, вы только скажите...

— Ну историческихъ кабинетовъ при гимназіи не полагается... И объ аппаратахъ для производства историческихъ опытовъ я ничего не слыхалъ... Много для такихъ опытовъ времени понадобится бы... А вотъ на вашемъ заводѣ вы могли бы произвести кое какіе историческіе опыты...

И съ доброй улыбкой Николай Николаевичъ развивалъ передъ Пріятелевымъ

комъ случай мальчикъ (или дѣвочка) не должны быть исключаемы изъ школы, но на нихъ слѣдуетъ подѣлывать словами и добрыми совѣтами, а также лечениемъ, чтобы ученикъ или ученица оставили порокъ;

4) въ закрытыхъ учебныхъ заведенияхъ, а также тѣхъ школахъ, гдѣ есть пансионеры и пенсiонерки, наставники и наставницы, должны быть сами, въ полномъ смыслѣ слова нравственными и должны быть истинно преданы дѣлу воспитанiя дѣтей, а не быть чиновникомъ съ кличкой «воспитатель».

Конечно, это все въ общихъ чертахъ, но это необходимо безъ отлагательства провести на первыхъ порахъ.

Ф. Мертвый.

Черезъ два дня послѣ этого письма я получилъ отъ того же автора второе.

«Кажется, какъ не велико значенiе вашей анкеты, но къ концу — конвою, ее должно быть, постигнетъ та же участь, какъ анкеты «Русскихъ Вѣдомостей» и др. Никольскаго. Судя же по тому, какъ живо и охотно откликаются очень многие на подобныя анкеты, можно вполне понять, что «половая вопросъ», которыми заняты многие въ отдѣльности, — настолько назрѣлъ, что онъ неминуемо такъ или иначе долженъ вылиться въ нѣчто конкретное. Это «конкретное», по моему мнѣнию, должно быть не что иное, какъ образованiе «Всероссийскаго Союза борьбы съ безнравственностью», краткий уставъ котораго я ниже приведу. Можетъ быть, подобный «Союзъ» и существуетъ уже, но про него что-то не слышно и никогда не упоминается въ печати, такъ-что я увѣренъ, что новый «Союзъ» нисколько не помѣшаетъ какому-либо «казенному». Поэтому были очень желательны, чтобы вы приняли инициативу и предложили въ своей газетѣ всѣмъ высказаться, насколько подобный союзъ необходимъ, а также чтобы читатели высказали свое мнѣнiе о предлагаемомъ мною уставѣ союза. Когда же будетъ достаточно скоплено материала для образованiя будущаго союза, можно будетъ всѣхъ желающихъ сзвать и на первомъ собранii союзъ считать открытымъ. Первое время числа членовъ будетъ, конечно не велико и будетъ состоятъ по большей частью изъ тѣхъ лицъ, которые выразили въ вашей многоуважаемой газетѣ желательность «Союза». Но позже, какъ дѣятельность, такъ и число членовъ несомнѣнно расширится. Я увѣренъ, что «Союзъ борьбы съ безнравственностью» необходимъ и

врядъ-ли кто выскажется противъ него. Не распространяясь о степени важности такого союза, я предлагаю нижеслѣдующий краткий проектъ устава, который нуждается въ расширенii и обработкѣ.

Проектъ статута «союза борьбы съ безнравственностью».

1) Въ члены союза принимаются лица достигшiя 16-ти лѣтняго возраста, безъ различiя пола, прошлаго, вѣроисповѣданiя, политическаго исповѣданiя и направленiя, званiя, общественного положенiя, принадлежности къ партiямъ, союзамъ, обществамъ и пр., а также подданства.

Примѣчанiе. 1. Ученики и ученицы нижнихъ и среднихъ учебныхъ заведенiй, достигшiе 18 лѣтняго возраста представляютъ письменное согласiе на вступленiе въ число членовъ отъ родителей или опекуновъ;

2) Лица, содержащая публичные дома и др. притоны въ число членовъ не принимаются или исключаются, если они уже вступили въ «союзъ»;

3) Союзъ дѣлится на общества и кружки, въ зависимость отъ числа членовъ, вступившихъ въ нихъ, — съ тѣмъ же уставомъ, каковой имѣеть «Союзъ».

4) Союзъ устраиваетъ: чтенiя, лекцiи, рефераты, доклады; прогулки, гимнастическiя соревнованiя, гимнастическiе кружки.

5) Союзъ входитъ въ общенiе съ подобными ему союзами, обществами и т. д., какъ въ Россii, такъ и за границей.

6) Союзъ посылаетъ своихъ делегатовъ на интернациональные сѣзды для борьбы съ безнравственностью.

7) Союзъ добивается отъ нижнихъ и среднихъ училищъ, чтобы они строго и честно слѣдили за нравственностью учениковъ, а также докладывали въ союзъ о тѣхъ воспитанникахъ, которымъ необходима нравственная поддержка.

8) Союзъ слѣдитъ за нравственностью малолѣтнихъ на улицахъ; слѣдитъ за нравственностью печати, открытокъ, заведенiй, какъ то: номерныхъ банъ, театровъ, садовъ, танцевальныхъ вечеровъ (танцъ-классы), особенно не допускаетъ туда малолѣтнихъ.

9) Союзъ уполномочиваетъ своихъ членовъ оставлять протоколы при помощи полицii, если членъ Союза со свѣдѣтелями слышали на улицахъ площадную брань;

10) Союзъ принимаетъ дѣятельное участiе въ защитѣ лицъ, притѣбляющихся

упакованы... Намъ пришлось ихъ распаковать... Извините... это предисанiе господина начальника губернии...

— Я дѣйствительно завтра долженъ быть уѣзжать, потому что получилъ назначенiе въ другой городъ. Что же вы нашли у меня?..

— Сейчасъ вамъ предьявимъ протоколъ обыска. Найдено кое что... по рабочей части больше... Вы очевидно интрессовались рабочимъ вопросомъ... Тутъ петиция кровниковъ заводчиковъ, мажаровскихъ, заводчиковъ, мажаровскихъ... друзей... Да, обыскъ почти оконченъ намъ осталась непрятная обязанность обыскать васъ самихъ...

— Ну, до свиданiя Викторъ Львовичъ добродушно сказалъ Панкратовъ, — мнѣ придется сейчасъ раздѣлаться. Зрѣлице не изъ приятныхъ и не изъ поучительныхъ. Уходите домой...

— Нѣтъ сѣ... молодой человекъ... я васъ попрошу остаться... Я обязанъ обыскать и васъ... По инструкцii всѣ присутствующiе должны быть обысканы... Викторъ галиво вздрогнулъ и сбросилъ гимназическую шинель.

— Чтобы молодого человека не задерживать долго мы съ него и начнемъ... Городовые уже подхватили шинель Виктора и изъ кармана ея извлекли... красный флагъ...

— Это что такое изумилъ Панкратовъ... Откуда у васъ?.. Какъ вамъ не стыдно...

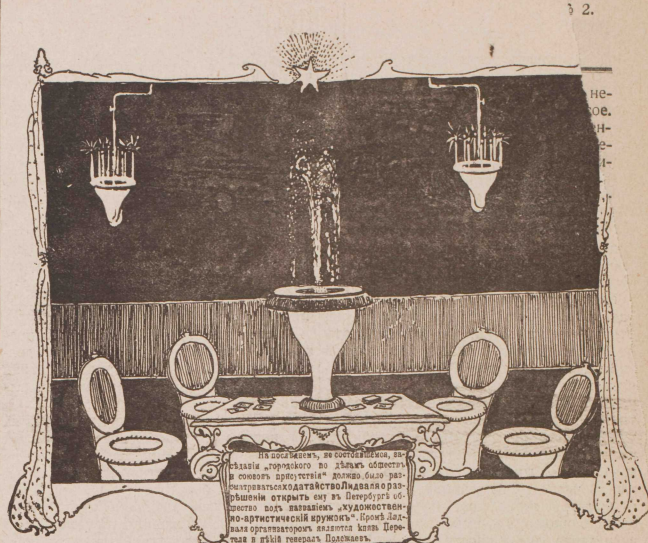
Викторъ покраснѣлъ и опустилъ голову.

— Приобщите къ дѣлу... сказалъ помощникъ пристава околотоchnою.

Видя что дѣло можетъ принять скверный оборотъ, Викторъ не отдавая себѣ отчетъ, изъ кармана досталъ маленькую записку и... проглотилъ ее.

Это была записка Лиди.

(Продолженiе будетъ).

Въ залахъ нашихъ, не состоящихъ, какъ въ старинномъ по дѣлать обществу, и союзъ прогрессивнаго движения въ Петербургѣ открыты для общественно-художественно-просвѣтительской работы «Прогрессивный союзъ» организаторомъ является князь Пелагея и артистическая Пелагея.

къ помощи Союза противъ посягающихъ на ихъ нравственность.

11) Союзъ имѣеть свой центральный органъ, а также распространяетъ дешевыя или бесплатныя брошюры по половому вопросу; устраиваетъ читальни.

12) Союзъ даетъ бесплатныя свѣдѣнiя для прискани на первое время жилищъ прѣзжающими изъ другихъ мѣстъ молодымъ дѣвицамъ и юношамъ. Для этого Союзъ развѣшиваетъ по всѣмъ вокзаламъ и станциямъ желѣзныхъ дорогъ и пародохомъ плакаты и объявленiя. Помѣръ силь и средствъ Союзъ строитъ для той же цѣли дешевыя «народныя» гостиницы и столовыя.

13) Союзъ добивается закрытiя публичныхъ домовъ, а также чутко слѣдитъ за всѣмъ тамъ происходящимъ; какъ и въ мастерскихъ (блѣшнейныхъ, прачешныхъ и др.) и на фабрикахъ.

14) Союзъ выбираетъ изъ своихъ членовъ правленiе изъ нѣсколькихъ лицъ.

15) Во время засѣданiя Союза председателемъ выбирается одинъ изъ членовъ правленiя.

16) Правленiе отвѣтственно передъ союзомъ и выбирается на одно полугодiе, считая за полугодiе 6 мѣсяцевъ со дня возникновенiя союза, общества или кружка.

17) Правленiе имѣеть широкую переписку со всѣми остальными членами союза, а также подробно вписываемъ всѣ предложенiя, заявленiя и т. д. въ спеціальную для этой цѣли книгу.

Конечно, этии §§ не ограничиваются ни самъ союзъ дѣятельность правленiя. Позабывъ еще § 18: Союзъ существуетъ съ членскими взносами, пожертвованiямъ, концертовъ, баловъ и пр., принимаетъ въ свой инвентаръ книги, шкафы для книгъ, картины и проч. Чтобы дѣло не заглохло, слѣдуетъ сейчасъ же начать его, не ограничиваясь узкими цѣлями.

Слѣдуетъ теперь же говорить и писать о Союзѣ въ газетахъ, журналахъ, распространять воззванiя и т. д. Теперь я поговорю въ защиту нѣкоторыхъ мѣстъ устава.

Если кому-либо покажется 16-ти лѣт. возрастъ для вступленiя въ число членовъ Союза слишкомъ раннимъ, то на это отвѣчу: пусть лучше 1000 членовъ узнаютъ въ подобномъ вопросѣ слишкомъ рано, чѣмъ 1 слишкомъ поздно. Кроме того, 16—лѣтние вовсе уже не такъ наивны и незнающи, какъ это принято думать.

2) Союзъ не долженъ быть какимъ-нибудь «монашескимъ орденомъ», чтобы въ число членовъ его не принимались лица (особенно это касается дѣвицъ), безъ «прошлаго».

3) Я потому въ § 2 указалъ, что членомъ Союза принимаются и иностранцы, что ихъ въ Россii очень много, и нельзя же, наконецъ, человека, желающаго содѣлывать борьбу съ безнравственностью, попросить уйти, если онъ имѣеть «счастiе» считаться германскимъ, французскимъ, английскимъ и т. д. подданнымъ.

тему о русскомъ рабочемъ движени и о томъ историческомъ опытѣ, который можетъ, хочеть и долженъ продать пролетарiатъ.

—И вашъ заводъ—одинъ изъ аппаратовъ для опыта...

Около двухъ часовъ ночи вышли Викторъ и Панкратовъ отъ приятельна.

— Я васъ поздравилъ, сказалъ Панкратовъ. Кстати вы на минутку зайдите ко мнѣ. Ничего что поздно. Я хочу васъ отблагодарить и оставить вамъ на память одну книжку... Только извините, я ужъ усталъ... не на что будетъ присѣсть...

Затѣмъ разговоръ пошелъ снова о завтрашней демонстрацii, противъ которой Николай Николаевичъ горячо возставалъ...

— Ну-съ вотъ сейчасъ я и дома... Ба!.. Что это значитъ... У меня въ квартирѣ свѣтъ...

Онъ спрыгнулъ съ воззвонки и вбѣжалъ по лѣстницѣ. Викторъ за нимъ. Дверь передъ ними сама раскрылась и заглохнула.

Было людно. Накурено. Пахло смазными сапогами и туфлями.

Къ нему навстрѣчу шель помощникъ пристава. У двери стояло нѣсколько городовыхъ. У окна—сидѣлъ околотоchnый надиратель, изготовляя на подоконникѣ какую то бумагу.

Въ передней трое понятахъ, изъ которыхъ въ одномъ Викторъ узналъ бывшего гимназическаго сторожа, выгнаннаго за воровство.

— Я имѣю предисанiе произвести у васъ обыскъ... — изысканно вбѣдливнымъ тономъ проговорилъ помощникъ пристава. —Этимъ дѣломъ мы отчасти уже занимались въ ваше отсутствiе въ присутствiе вотъ этихъ понятыхъ... Вы собрались очевидно куда-то уѣзжать... Ваша мебель и книги были такъ тщательно